

ШМИДТ ГЛЕБ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Аспирант, Лотарингский университет, Лотарингский университетский центр исторических исследований (CRULH), Мец-Нанси, Франция
schmidt.gleb@gmail.com

Анатомия прототекста, или О задачах критического издания средневековых латинских текстов в цифровую эпоху (заметки на полях кандидатской диссертации)

Подготовка критических изданий — одна из самых сложных и важных частей работы историка или филолога, поскольку ее главная задача заключается в том, чтобы обеспечить исследователей доступом к оригинальным источникам, без которого подлинное изучение какого бы то ни было раздела истории Средневековья едва ли возможно. По этой причине на протяжении полутора столетий шли постоянные споры о том, что же именно должно быть целью подготовки критического издания, и какой набор методов позволяет наилучшим образом этих целей достичь. В последние десятилетия в связи с активным внедрением цифровых технологий в работу ученых-гуманитариев, методологические дебаты получили новый импульс, хотя уже и на новом уровне. Появившиеся техники подготовки цифровых изданий позволили, с одной стороны, найти новые формы для критических изданий и значительно расширить их функциональность, преодолев главный методологический спор прошлого. Однако, с другой стороны, они ставят перед исследователями ряд новых концептуальных и практических трудностей. Цель эссе — очертить *status quaestionis* в области цифровых критических изданий средневековых латинских текстов и обозначить важнейшие из методологических проблем, остро вставших в связи с революционным изменением исследовательского инструментария.

Ключевые слова: digital humanities; критические издания; средневековая латынь; цифровая текстология.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шмидт Г.А. Анатомия прототекста, или О задачах критического издания средневековых латинских текстов в цифровую эпоху (заметки на полях кандидатской диссертации) [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2020. Vol. 1–2(6–7). С. 76–107. URL: <http://voxmedii.aevi.com/2020-1-2-schmidt>

DOI

10.24411/2587-6619-2020-10003

GLEB SCHMIDT

Post-Graduate Student, University of Lorraine, Lothringen University
Centre of Historical Studies (CRULH), Nancy-Metz, France
schmidt.gleb@gmail.com

Anatomy of the Prototext, or What Should Be the Purpose of the Critical Edition of Medieval Latin Texts in the Digital Age?

The critical edition of original texts is justly hailed as one of the most complicated, refined and important parts of medievalists' work, for it provides scholars with access to sources and thus underlays almost every single research. For this reason, for a century and a half this field has been a battleground of numerous attempts to define its goals and the best methods appropriate to introduce an ancient or medieval text to the contemporary reader. Obviously, within digital humanities, this debate has recently been reiterated on a completely new level as new innovative techniques and practices of digital scholarly editing not only helped to find new formats for a critical edition, redefine it and enhance its functionalities, but also to overcome the main methodological schism of the past and formulate a new centre of gravity of the discussion. This essay attempts to sketch out the *status quaestionis* in the field and to shed light on the most important problems that all recent innovations bring forth for the scholarly community.

Key words: critical edition; digital humanities; digital textual scholarship; Medieval Latin.

FOR CITATION

Шмидт Г.А. Анатомия прототекста, или О задачах критического издания средневековых латинских текстов в цифровую эпоху (заметки на полях кандидатской диссертации) [Digital Resource] [Schmidt G. Anatomy of the Prototext, or What Should Be the Purpose of the Critical Edition of Medieval Latin Texts in the Digital Age?] // Vox medii aevi. 2020. Vol. 1–2(6–7). P. 76–107. URL: <http://voxmediiavei.com/2020-1-2-schmidt>

DOI

10.24411/2587-6619-2020-10003

ГЛЕБ ШМИДТ

Анатомия прототекста, или О задачах критического издания средневековых латинских текстов в цифровую эпоху (заметки на полях кандидатской диссертации)

«digital humanities» не говорит только ленивый¹. Начавшись в лингвистике в середине прошлого века², в последние два десятилетия применение стремительно развивающихся компьютерных технологий во всех областях гуманитарного знания происходит все чаще. Декларации о том, что это необходимо делать, стали повсеместными, и «digital humanities» изменяют даже самые консервативные области, и история Средних веков — не исключение. Новые методы работы, новые форматы публикации результатов, новые исследовательские инструменты и, главное, новые задачи и проблемы, решение которых раньше не представлялось возможным. Едва ли можно сказать, на что именно в гуманитарных науках компьютерные технологии повлияли больше — такой силы революционный эффект они произвели.

Не стала исключением и область подготовки критических изданий средневековых латинских текстов — изданий, без которых практически невозможно ни одно подлинное исследование в области истории западноевропейского Средневековья. Как и многие другие отрасли гуманитарного знания, текстология, вооруженная новыми технологиями, значительно изменилась. Но что именно, кроме организации работы исследователя и большей простоты в распространении результатов, внедрение цифровых методов изменило в экдотике (фр. *ecdotique*, дисциплина о научном издании)? Какую роль оно играет в продолжении (или разрешении) методологических споров, касающихся основных задач и способов издания текстов?

1. Я глубоко признателен двум неизвестным мне рецензентам, многочисленные, точные, и доброжелательные замечания которых позволили существенно улучшить текст эссе. Все оставшееся в нем несуразности и ошибки, разумеется, — на моей совести.

2. Примерно тогда ЭВМ были впервые применены в изучении истории текстов. Первопроходцем стал итальянский иезуит Роберто Буза, который на основании собрания трудов Фомы Аквинского составил корпус в 11 миллионов слов и индексировал при помощи машины фирмы IBM, любезно предоставленной основателем корпорации, Томасом Уотсоном (*Pierazzo E., Stokes P. The New Textual Technologies // A Companion to the History of the Book / ed. by S. Eliot, J. Rose. Wiley, 2019. P. 678*).

Не претендуя на полноту изложения всего предмета цифровых изданий во всей его безмерной глубине³, я попытаюсь ответить на эти вопросы и перечислить наиболее важные, на мой взгляд, черты переживаемого методологического сдвига в области критического издания средневековых латинских текстов. Чтобы охарактеризовать изменения, происходящие сейчас, необходимо будет, прежде всего, инвентаризировать багаж, с которым научное сообщество подошло к новой эпохе, то есть (1) напомнить о зарождении жанра критических изданий, самой его сути, а также (2) кратко взглянуть на эволюцию методов подготовки подобных публикаций. Все это логически подготовит дискуссию о (3) наиболее фундаментальных особенностях цифровых критических изданий и о том, какое влияние оказывает внедрение современных технологий на концептуальные споры прошлого.

Что такое критическое издание?

Мне кажется, я помню момент, когда впервые услышал о критических изданиях. Это было на уроке греческого; мы читали жизнеописание Алкивиада (450–404 гг. до н. э.) Плутарха (46–127 гг.). Описывая занятные факты из жизни выдающегося афинского стратега, Плутарх среди прочего заметил, что тот уже в юности отличался дерзостью и никогда не стеснялся прямо высказывать того, что думал. Однажды Алкивиад искал сочинения Гомера, и один из учителей, к которому будущий прославленный полководец обратился, предложил ему свой экземпляр, сказав, что исправил его сам. На это смелый юноша едко заметил, что человек, способный поправлять Гомера, мог бы найти себе поприще и получше учительского⁴.

Когда мы с одноклассниками с грехом пополам закончили перевод этого фрагмента, наш учитель, вместо того чтобы сделать какое-нибудь назидательное замечание о юношеской дерзости и силе характера, спросил нас, понял ли кто-нибудь, о чем именно шла речь в прочитанном пассаже. Тщетно прождав ответа несколько мгновений, он начал рассказ, который, как теперь ясно, изменил мою жизнь.

3. Труды, служащие этой цели, уже существуют: *Pierazzo E. Digital Scholarly Editing: Theories, Models and Methods*. Farnham, 2015; *Digital Critical Editions / ed. by D. Apollon, C. BÉlisle, Ph. Régnier*. Urbana, 2014; *Sahle P. Digitale Editionsformen: Zum Umgang mit der Überlieferung unter den Bedingungen des Medienwandels – Befunde, Theorie und Methodik*. Norderstedt, 2013. В издательстве *De Gruyter* также готовится к печати и более специальное обобщающее издание: *Stemmatology in the Digital Age / ed. by Ph. Roelli* (в печати).

4. *Плутарх. Сравнительные жизнеописания / изд. подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М., 1994. Т. 1. С. 246.*

Учитель рассказал, что во времена Алкивиада (равно как и Плутарха) тексты переписывали на папирусных свитках, которые и были основными носителями знаний в цивилизованном средиземноморском мире вплоть до первых столетий нашей эры. Копирование текстов от руки приводило к тому, что ошибки и сознательные изменения, вносимые переписчиками, со временем накапливались и искажали авторский текст, поэтому эрудиты тех времен считали хорошим тоном «править» имеющиеся в их распоряжении копии с тем, чтобы вернуть тексту «первозданный вид», каким он им представлялся⁵. Эта практика исправлений текста путем вписывания «правильного варианта» между строк, на полях или поверх вымаранного текста с целью вернуть ему первоначальный облик была началом движения к *критическим изданиям* с их *textus constitutus* («восстановленный текст»), в которых в наше время произведения древних авторов в основном и доступны читателям.

После этого учитель попросил нас посмотреть на ксерокопии с текстом издания и обратить внимание на сноски. Там были некоторые слова из текста, отделенные квадратной скобкой («]»), вместо которой в текстах из других изданий было двоеточие «:») от разных сокращений (вроде *add.*, *corr.* или *om.*) или же от похожих вариантов, за которыми следовали латинские или греческие буквы, часто с индексами в виде цифр, напечатанных над или под строкой (например, Ss¹). Так впервые я услышал о *рукописной традиции* — всей совокупности древних копий текста; о *критическом аппарате*, который должен эту традицию отражать; о том, что главная часть критического аппарата, т.н. «аппарат чтений» (*apparatus lectionum*), состоит из *лемм*, избранных издателями «основных вариантов» (на иной манер — «чтений»), из *конъектур* — издательских исправлений, призванных восполнить безнадежно испорченный текст, а также из вариантов — альтернативных чтений, которые издатели по тем или иным причинам отвергли, хотя их и можно найти в других древних копиях текста, на которых основано критическое издание. Именно эти многочисленные копии и обозначаются *сиглами*,

5. О древних корнях текстологии: The Cambridge Companion to Textual Scholarship / ed. by N. Fraistat, J. Flan- ders. Cambridge, 2013. P. 18–24.

принятыми краткими обозначениями, чаще всего — латинскими (или греческими) буквами с цифровыми индексами.

У критического аппарата, объяснял дальше учитель, два назначения. С одной стороны, он должен дать читателю возможность обозреть всю историю текста, насчитывающую порою многие сотни и даже тысячи лет, и показать, как произведение видоизменялось, переосмысливалось или дополнялось на протяжении всего этого времени. С другой стороны, критический аппарат имеет и сугубо утилитарную функцию: он призван кратко и убедительно обосновать каждое решение издателя и каждый из многочисленных выборов, с которыми сталкивается исследователь на своем пути к *textus constitutus*.

Иными словами, критическое издание, в теории, должно избавлять даже самого пытливого читателя, желающего знать все детали истории текста, от необходимости обращаться к древним рукописям и давать в сжатой форме представление обо всем, что случилось с произведением с момента, как оно стало циркулировать: редакции, интерполяции, сокращения и пр. Можно сказать иначе: «критическое издание» должно делать текст произведения «издаваемым», то есть приглашать читателя-исследователя к дискуссии и давать в руки даже самому взыскательному из них все средства для того, чтобы и он при желании мог сам реконструировать произведение, предложив свой вариант *textus constitutus*.

Это объяснение, краткое и довольно поверхностное, показалось мне тогда исчерпывающим. Я не мог предположить, насколько далеко от этой простой схемы ушли методологические поиски исследователей, в разное время пытавшихся ответить на вопрос, каким образом стоит представлять древние тексты современному читателю. Работа издателя представилась мне, хоть и кропотливой, но будто-то бы механической: безусловно требующей глубокого знания языка, на котором написан текст, и реалий эпохи, когда он был создан, но все-таки довольно безжизненной. Намного позже я понял, что в случае с «критическими изданиями» речь шла не о прихоти привередливых филологов, не о рафинированной эрудитской игре ума, а об одной из форм стремления человека

разобраться в сути вещей — стремлении, которое составляет один из стержней истории человечества. Очевидно, мое первое впечатление, будто «критические издания» имеют отношение только к более или менее отдаленному прошлому, оказалось заблуждением.

Тысячи лет люди переписывали тексты от руки, исправляли копии, сделанные другими, постоянно взаимодействовали с текстом, нисколько не опасаясь вторгнуться в «пространство автора». Пять столетий книгопечатания совершенно переменили положение. Если прежде возможности автора обратиться к читателю едва ли сильно отличались от средств, которыми располагал сам читатель/переписчик/редактор, то с появлением книгопечатного станка между создателями произведения и всеми остальными возникла труднопреодолимая стена — из сложного, трудоемкого и дорогостоящего издательского процесса. Если раньше практически любой читатель, отредактировавший прочитанный текст, мог стать родоначальником новой ветви рукописной традиции — нового направления истории произведения, — то в эпоху индустриального книгопечатания это стало невозможно: за просто изменить содержание книги и сразу же отправить ее в «дальнейшее плавание» стало затруднительно не только по технологическим, но и по идеологическим соображениям.

Представление об индивидуальности авторской работы⁶, формировавшееся еще в позднее Средневековье, было дополнено возможностью с большей точностью установить время выхода текста в свет — и спор о первенстве в высказывании той или иной идеи, раньше совершенно лишенный смысла, стал полем состязаний. Тексты постепенно, но все-таки довольно быстро, утратили былую пластичность. Поспособствовало этому и то, что распространение книг стало все больше зависеть от средств, вложенных издателями. Так читатели, потенциальные переписчики и возможные редакторы, были вытеснены из процесса видоизменения текстов. Хотя практики распространения литературы, наиболее близкие к средневековым, не исчезли совсем и даже сохранили за собой важную культурную роль (вспомним, например, многочисленные

6. О проблеме оригинальности и авторства в Средние века: *Auctor et auctoritas: Invention et conformisme dans l'écriture médiévale: actes du colloque tenu à l'Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines, 14–16 juin 1999* / éd. par M. Zimmermann, P., 2001; *Minnis A. J. Medieval Theory of Authorship: Scholastic Literary Attitudes in the Later Middle Ages*. L., 1984.

случаи распространения «запрещенной литературы» — политических памфлетов и других идеологических произведений, текстов фривольного содержания и даже советский «самиздат»), они все-таки оставались маргинальными.

Появление и широкое распространение в последние 30–40 лет цифровых технологий снова нарушило равновесие. Интернет и предлагаемые им средства публикации и распространения текстов разрушили барьер, выстроенный книгоиздательским процессом, и дали феноменальные возможности обращаться к аудитории непосредственно, причем буквально с чем угодно: с оригинальными произведениями, компиляциями, плагиатом и разными комбинациями перечисленного.

Если и стоит искать черты Средневековья в сегодняшнем дне, это стоит делать не столько в этосе правящих классов отдельных стран, пронизанном безнаказанностью и самонадеянностью, или в варварстве некоторых политических режимов, сколько, например, в той вновь обретенной легкости, с которой сейчас можно обратиться к читателю, минуя все барьеры, существовавшие на протяжении столетий. Это «новое Средневековье» снова сделало тексты податливыми и пластичными. Эта пластичность, отлично видная в любом текстовом редакторе, дает бесконечные возможности для создания новых текстов и их версий, оставляя глубоко в сносках истории застывшее однообразие многотысячных тиражей совершенно одинаковых книг.

Ежедневно миллионы новостей, шуток, статей копируются, незначительно изменяются и предлагаются публике, создавая таким образом множество больших и малых «рукописных традиций», веером расходящихся по Сети. Парадоксально, но в этих условиях старинный метод эрудитского изучения древних текстов путем их «критического издания» снова должен быть востребован. Своего рода «критическое издание», пусть и освобожденное от формальностей надлежащего оформления, изучение изменений, которые претерпел текст энциклопедической статьи⁷ или сообщения, становится едва ли не важнейшим инструментом в руках

7. Здесь уместно вспомнить о Википедии, создатели которой с самого начала снабдили свой ресурс инструментом для анализа истории правок.

современного человека, не желающего быть сто раз на дню обманутым недостоверной и неполной информацией или пресловутыми *fake news*.

Весьма вероятно, что стремление соприкоснуться с подлинником имманентно человеку. В древности учителя грамматики правили сочинения классических авторов. В Средние века не счесть примеров, когда между строк одной рукописи вписывали варианты, найденные в другой⁸, и листы пергамента выскребались до полупрозрачности — все ради того, чтобы переписать единственный пассаж, введя в него несколько новых фраз.

Такая работа могла быть стихийной, а могла быть и систематической, хорошо организованной, как это было, например, в скриптории Уильяма Мальмсберийского (ум. 1143)⁹. Этот видный историк Англо-Нормандского королевства, который интересен современным исследователям не только как автор нескольких объемных исторических компиляций, которые он дополнил ценнейшими собственными свидетельствами, но также как ревностный собиратель книг и организатор одного из самых активных скрипториев Англии второй четверти XII в. Уильям составлял колофоны для многих из переписанных под его руководством книг, объясняя в них значение труда и сообщая что-нибудь о его авторе. Кроме того, он нередко старался свести к общему знаменателю разные варианты одних и тех же текстов, если они ему попадались. Так в его библиотеке оказалось немало рукописей, которые можно назвать, пусть и с важными оговорками, «критическими изданиями»¹⁰.

К сожалению, можно только догадываться о его мотивах. Делал ли он это из любопытства или из желания привести в порядок боговдохновенные труды, которые были испорчены небрежением малообразованных переписчиков? Боялся ли он упустить в лабиринте вариантов какие-то важные детали? Трудно сказать. Вероятно, ответ на этот вопрос сочетает в себе элементы всех названных объяснений и каких-то иных. Как бы то ни было, «издательские» работы Уильяма Мальмсберийского остаются важными, хотя и не единственными, примерами средневековых «критических изданий»¹¹.

8. Подобные примеры едва ли поддаются подсчету, поскольку такая практика была весьма распространена. Из хранящихся в Петербурге рукописей ярким примером такой работы может стать манускрипт, содержащий «Хроникон» Адемара Шабанского (Санкт-Петербург. Отдел рукописей РНБ. Ф. в. IV N 3. Подробнее об этой рукописи: *Рождественская О. А.* Хроника Адемара Шабанского и ее рукопись в Ленинграде // Ученые записки Ленинградского университета. Серия исторических наук. Вып. 4. 1939. №39. С. 146–161; *Bannikov A. V.* Manuscrit latin F. v. IV, N 3 — un témoin du travail en progrès d'Adémar de Chabannes sur le Chronicon? // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 2002. Т. XXVIII. С. 62–72).

9. *Thomson R. M.* William of Malmesbury. Suffolk, 2003. P. 76–96.

10. *Ibid.* P. 40–75.

11. Случаи подобной работы с текстом, а также контаминации (*contaminatio*), когда текст переписывался сразу по нескольким образцам, таким образом смешивая (часто бессистемно) разные варианты одного и того же текста, регулярно встречаются в рукописях начиная приблизительно с VIII в. Кроме того, необходимо учитывать и то обстоятельство, что вплоть до конца IX в. тексты чаще переписывались под диктовку, поэтому последующее сличение было неотъемлемой частью работы тогдашних «издательств».

Из средневековых рукописей привычка к сличению (коллажии) текста по нескольким рукописям переключалась в ранние эрудитские издания древних текстов XVI–XVII вв., в которых весьма часто можно найти результаты сличения печатного издания текста с его рукописной копией¹². Порою эти свидетельства приобретают неоценимое значение: они могут оставаться единственными документами, сохранившими сведения о некогда существовавших, но давно утраченных рукописях¹³.

Однако все это не было критическим аппаратом в современном смысле, а эти «издания» были далеки от наших стандартов. Критический аппарат, похожий на современный, формировался в изданиях постепенно на протяжении XVII–XVIII вв. Существует мнение, что наиболее ранним свидетельством существования замысла по созданию критического аппарата, похожего на современный, можно считать коллажии рукописей *De rerum natura* Лукреция, подготовленные Николаем Гейнзием во второй половине XVII в. Хотя издание, для которого коллажии, вероятно, предназначались, никогда не вышло в свет, а эти подготовительные материалы были опубликованы только после смерти Гейнзия Питером Бурманом Старшим, изучавшие их ученые предположили, что публикация, якобы задуманная Гейнзием, сочетала бы в себе три важнейшие черты критического издания¹⁴. Во-первых, ее критический аппарат был бы систематическим; во-вторых, он был бы направлен, главным образом, на то, чтобы задокументировать традицию; в-третьих, он объяснял бы издательские решения¹⁵. Однако нельзя сказать с уверенностью, входило ли все перечисленное в замысел Гейнзия.

Следующее XVIII столетие дало немало примеров высококлассных публикаций древних текстов. Редкие теоретические изыскания о работе издателя, о том, что же именно должно быть ее целью и чем, кроме собственного чувства стиля и понимания текста, ученый должен руководствоваться, предпочитая один вариант другому, не находили широкого практического применения. Синтез накопленного опыта и переход количества в качество произошел в середине XIX в. Однако, как часто бывает в истории науки, практическое обобщение

12. Подобных примеров, разумеется, — множество; один из них — копия «Светоча» (Elucidarium) Гонория Августодунского в London, British Library, Royal 15 A XX, fol. 144–161. О «Светоча» Гонория: Гуревич А. Я. Популярное богословие и народная религиозность Средних веков // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 65–91 (выбранный Гуревичем перевод латинского заглавия, «Светильник», представляется не слишком удачным).

13. Ограничимся единственным примером: в одном из ранних изданий «Светоча» (Sancti Anselmi ex Beccensi abbate Cantuariensis archiepiscopi opera nec non Eadmeri monachi Cantuariensis Historia novorum et alia opuscula / éd. par G. Gerberon. P., 1675. P. 457–487) текст был снабжен «исправлениями» (castigationes) в соответствии с чтениями, которые издатель обнаружил в утраченных ныне рукописях (ibid. P. 683–688). В ранних изданиях «Светоча» текст нередко публиковался в составе корпуса сочинений св. Ансельма Кентерберийского. Об истории издания Жерберона и его отличиях от прочих изданий трудов Ансельма: Giraud C. La réception des Meditations sive orationes d'Anselme de Cantorbéry à l'âge de l'imprimé // Revue de l'histoire des religions. 2013. T. 4. P. 545–581.

14. Flores E., Tomasco D. Nascita dell'apparato critico // Vichiana. 2002. Vol. 4:1. P. 3–6; цит. по: Fischer F. Digital Classical Philology and the Critical Apparatus // Digital Classical Philology. Ancient Greek and Latin in the Digital Revolution / ed. by M. Berti. Boston MA, 2019. P. 205.

15. Такая оценка неоконченной работы Гейнзия представляется некоторым исследователям чересчур оптимистичной: Reeve M. Lucretius from the 1460s to the 17th Century: Seven Questions of Attribution // Aevum 80 (2006). P. 179–180.

разработанных методов не столько разрешило стоящие перед учеными проблемы, сколько запустило дискуссию, которая с разной интенсивностью продолжается по сей день.

С эволюцией этих идей мне пришлось познакомиться, когда рабочая необходимость подвела меня самого к выбору методологической основы для подготовки издания текста, ставшего предметом моего продолжающегося диссертационного исследования.

Приступая на последнем году университетского курса к работе над рукописной традицией *Excerptio Roberti Herefordensis de Chronica Mariani Scoti*, я наивно полагал, что публикация этого небольшого трактата конца XI в. о хронологии, сохранившегося к тому же всего в девяти полных и двух частичных списках, не составит особенного труда: в тексте было много вычислений, цитат из Нового Завета и комментариев Беды Достопочтенного к Евангелию от Луки. Все это, как и хронологическая близость всех рукописей, не обещало серьезных расхождений между копиями.

За это легкомыслие пришлось дорого заплатить: несколько «шурфов» *коллажи* быстро поставили меня в тупик, показав, что практически с самого начала своей истории текст существовал в двух «очевидных» редакциях, а некоторые из его немногочисленных копий были весьма своеобразны. Встал вопрос: как быть? Нужно ли учитывать текст «Хроники» Мариана Скота в качестве одного из звеньев рукописной традиции *Excerptio Roberti*? Важны ли вообще варианты, встречающиеся в разных копиях этого маленького текста, который получил лишь локальное распространение и только среди одного поколения английских историков, к тому же хорошо знавших друг друга? Не интереснее ли будет сместить центр тяжести исследования на хранящуюся в Петербурге рукопись этого сочинения¹⁶, которая привлекла внимание моего руководителя, любезно поделившегося со мной этим сюжетом? Ответить на эти вопросы можно было, только погрузившись в теорию экдотики, поняв *status quaestionis* и определив собственные координаты на карте разных взглядов на цели и методы научного издания старинных текстов.

16. ОР РНБ. О. v. IV N 1.

Критическое издание: миссия (не)выполнима?

Несмотря на то, что в XVIII в. в библеистике предпринимались попытки теоретизировать экдотику, именно в приложении к классическим литературам и их историческим особенностям возникла совокупность техник, существенно изменившая дисциплину. Символом нового методологического поворота стало издание «О природе вещей», подготовленное Карлом Лахманом¹⁷, немецким германистом, классическим филологом и издателем множества римских авторов.

Считая неудовлетворительным слишком вольное и субъективное отношение своих предшественников к *textus constitutus*, в работе над текстом Лукреция Лахман стремился подходить к реконструкции архетипа всей рукописной традиции сочинения строго и научно. Вышедшее в свет в 1850 г. издание ознаменовало собой оформление нового стемматического (генеалогического) метода. И хотя Лахман не был в строгом смысле слова его «создателем»¹⁸, а опирался в значительной мере на опыт предшественников, именно лахмановское издание Лукреция, удачно вобравшее в себя результаты методологических поисков начала XIX в., положило начало новому этапу в истории критического издания, а самого Лахмана сделало символом «стемматического метода», который в начале XX в. стали называть «лахмановским». Суть подхода заключалась в реконструкции «генеалогического древа» рукописей, позволяющего определить вес и значимость каждой из них в рукописной традиции. Восстановив эту «генеалогию», считал Лахман, можно механически реконструировать архетип рукописной традиции¹⁹, опираясь на чтения более ценных рукописей, чье положение в «генеалогическом древе» ближе к архетипу.

Произведение Лукреция сохранилось исключительно благодаря раннесредневековым копиям, ставшим в свою очередь образцами для всех позднейших вариантов. Лахман полагал, что в эпоху, когда были созданы эти ранние копии, стилистически безупречный текст Лукреция был испорчен некомпетентными переписчиками, несмотря на многие и регулярные

17. *Titus Lucretius Carus. De rerum natura* / ed. K. Lachmann. Berlin, 1850; *Lachmann K. In T. Lucretii Cari de Rerum natura libros commentarius*. Berlin, 1850.

18. Классическая работа по истории «лахмановского» метода: *Timpanaro S. The Genesis of Lachmann's Method*. Chicago; L., 2005.

19. Впрочем, в комментарии к своему изданию Лахман также предложил множество конъектур в текст, попытавшись *de facto* реконструировать оригинальный текст Лукреция. Однако важно отметить, что подавляющее большинство этих конъектур не вошли в *textus constitutus*.

попытки переписчиков его «исправить». Своей задачей немецкий филолог видел «пробраться» через тернии уродливых раннесредневековых метаморфоз и восстановить архетип рукописной традиции во всей его морфо-синтаксической безупречности и стилистическом блеске.

Изменения в идеальном тексте Лукреция виделись Лахману однонаправленными: неграмотность писцов, нередко неспособных понять переписываемый текст, их неопытность в чтении малознакомых типов письма порождали множество ошибок, которые накапливались, еще больше затрудняя понимание текста и его точное и аккуратное копирование²⁰. Анализ характерных общих ошибок в рукописях позволил Лахману выделить несколько «пластов» этих огрехов и увидеть в них последствия, в частности, того, что перед глазами раннесредневековых переписчиков был текст, написанный устаревшим ко времени копирования типом письма. Таким образом, Лахман смог прийти к выводу, что три важнейшие рукописи восходят к одному архетипу, который был, вероятнее всего, написан в IV–V в. капитальным письмом и походил на известные ему позднеантичные рукописи, содержащие сочинения Вергилия.

Публикация Лахмана вызвала фурор среди филологов: стемматический метод набирал популярность и быстро стал стандартом в издании древних авторов. Однако ни сам Лахман, ни его непосредственные последователи не создали свода конкретных методических правил и рекомендаций, и метод, предложенный Лахманом, оставался неопианным до начала XX в., а его слабости и ограничения оставались неисследованными.

Поэтому в XX в. дискуссия разгорелась с новой силой и была особенно интенсивной в 20-е гг. В то бурное десятилетие стемматический метод Лахмана был представлен в виде относительно краткого свода четких правил в работе Пауля Мааса²¹ и получил дальнейшее развитие в работе Анри Канта²², предложившего два важных усовершенствования. Во-первых, при реконструкции текста рассматривать не только общие ошибки в рукописях, как это делал Лахман, но всю

20. Даже если на каком-то этапе текст исправлялся и улучшался (что случалось нередко), например, путем его сверки с архетипом или копией лучшего качества, такая редакция никогда не была возвратом к архетипу. Именно в этом смысле изменения в тексте были однонаправленными.

21. *Maas P. Textkritik // Einleitung in die Altertumswissenschaft. Vol. 1, fasc. 2 / hrsg. von A. Gercke, E. Norden. Leipzig, 1927.*

22. *Quentin H. Essai de critique textuelle (ecdotique). P., 1926.*

совокупность чтений целиком, и, во-вторых, отказаться от механической реконструкции текста в соответствии со стеммой в пользу анализа всей массы разнородных документов и свидетельств и особенно истории рукописей, которые могут косвенно помочь созданию стеммы и реконструкции текста.

Дальнейшее развитие метода Лахмана было не единственным направлением, в котором в 20-е гг. XX в. исследователи вели поиски лучшего подхода к изданию древних текстов. В то время как одни ученые адаптировали и расширяли стемматический подход, другие ставили под сомнение его основной постулат: стремление реконструировать текст.

В 1928 г. французский филолог-романист Жозеф Бедье, изучавший куртуазную новеллу Жана Ренара (конец XII — начало XIII в.) «Лэ об Отражении» (*Lai de l'Ombre*), опубликовал исследование рукописной традиции этого сочинения²³, которое он сопроводил размышлениями о ремесле и задачах издателя древних текстов. В этом эссе он сформулировал подход, получивший название «метод базовой рукописи». Бедье предлагал при издании произведения вовсе отказаться от реконструкции. Вместо этого, считал Бедье, нужно, руководствуясь разными свидетельствами, выбирать *один* единственный наиболее ценный документ и воспроизводить содержащийся в нем текст, стремясь свести к минимуму любые вмешательства издателя, в идеале ограничив их исправлением «наиболее очевидных ошибок» (*lapsus calami*). Таким образом, Бедье решительно порвал с лахмановской традицией реконструкции и основал лагерь сторонников нового подхода, главная идея которого состояла в максимальном сохранении особенностей конкретного реально существующего документа.

Как и в случае с «методом Лахмана», характерные черты подхода Бедье были обусловлены материалом, над которым работал французский филолог. Романские тексты, которые изучал Бедье, как правило сохранились в незначительном количестве копий, каждая из которых ценна своими уникальными особенностями — орфографией, разделением слов, пунктуацией. По мнению Бедье, исторический интерес представляют именно эти индивидуальные черты, поскольку

23. Bédier J. La tradition manuscrite du *Lai de l'Ombre*: Réflexions sur l'art d'éditer les anciens textes // *Romania*. 1928. T. 54. P. 161–196, 321–358.

они способны пролить свет на многие аспекты истории языка — фонетическую эволюцию, историческую грамматику, и т. д. Вопрос о том, как та или иная рукопись отражает «авторский текст», имеет лишь второстепенное значение. Он играет важную роль при выборе базовой рукописи, но не влияет на *textus constitutus*, поскольку с минимальными изменениями заимствуется из избранной рукописи и, по сути, не является *constitutus*.

Таким образом, бедьерианский метод был ответом на невозможность получить удовлетворительные результаты в издании старофранцузских сочинений при помощи подхода Лахмана-Мааса, которые предполагали не только изменение орфографии оригинальных документов, но и в принципе — уход от реально существующих документов в сторону текста, восстановленного издателем. В случае с произведениями, которые изучал Бедье, это означало бы не только потерю части ценнейших сведений об истории языка, но и отход от строгости: небольшие по количеству рукописей традиции старофранцузских сочинений с высоким уровнем индивидуальности каждой копии не всегда дают возможность для строгой реконструкции в духе «лахмановского» метода, а ее замена субъективным выбором чтений или массовым внесением исправлений была бы методологическим возвращением в XVIII в.

Несмотря на то, что «метод базовой рукописи» был изначально предложен для издания текстов, созданных на рождающихся национальных языках, немало исследователей средневековой латинской литературы также было очаровано лежащей в его основе идеей оставаться в неразрывной связи с сохранившимися документами. Поэтому во второй половине XX в., преимущественно в англо-саксонском мире, этот подход приобрел популярность среди филологов и историков, изучавших средневековые латинские произведения, и, в некотором роде, был доведен до крайности. Если бедьерианский подход все-таки предполагал вмешательство в текст рукописи путем устранения наиболее явных ошибок, то исследователи, перенесшие этот метод на почву средневековой

латинской литературы, утверждали, что подлинный интерес представляет т. н. «версия переписчика» (*scribal version*) со всеми ее возможными огрехами и несуразностями. Только изданный в таком виде текст, считали они, дает возможность исследователю, с одной стороны, поставить себя на место средневековых читателей и узнать, что же именно было у них перед глазами, с другой стороны, «отдать дань уважения» каждому рукописному памятнику и каждому переписчику, из которых далеко не все стремились аккуратно скопировать образец, сознательно стараясь создать на основе имеющихся у них материалов уникальную книгу.

Эти воззрения, впервые нашедшие свое выражение в полемике Артура Ригга и Джона Барри Холла²⁴, легли в основу т. н. «новой филологии», манифестом которой стала работа Бернара Серкилини с говорящим названием «Похвала варианту»²⁵. Спор Ригга и Холла, обнаживший и, пожалуй, углубивший методологический разлом между исследователями, продемонстрировал, однако, и то, что в действительности речь идет вовсе не об универсальности одного конкретного метода, а о том, что разные средневековые документы и сочинения требуют разных методов работы. Аргументы и примеры, приведенные участниками спора, показали, что в каких-то случаях, например, при издании литургических книг или глоссариев и календарей, когда воспроизведение некоего фиксированного текста не было главной задачей, больший интерес представляет именно *scribal version*, в других, когда переписываемый текст имел канон и его точное воспроизведение было основной целью писцов, реконструкция канонической версии все-таки необходима.

Таким образом, к концу 80-х гг. XX в. был очерчен круг вопросов, ответы на которые, собственно, и определяют «методологическую принадлежность» исследователя: стоит ли реконструировать тексты при помощи стеммы или нужно довериться «базовой рукописи» и издавать *scribal version* (или даже факсимиле)? Должен ли анализ текстов при реконструкции учитывать только общие ошибки в копиях или всю совокупность чтений? Должно ли восстановление текста быть

24. Rigg A. G. *Medieval Latin // Editing Medieval Texts / ed. A. G. Rigg. New-York; London, 1977. P. 107–125; Hall J. B. The Editing and Emendation of Medieval Latin texts: Two Case Histories // Studi Medievali serie 3. 1978. 19. P. 443–466; Rigg A. G. The Editing of Medieval Latin Texts: A Response // Studi Medievali serie 3. 1983. 24. P. 385–388; Hall J. B. A Reply to Dr Rigg's Response // Studi Medievali serie 3. 1983. 24. P. 385–387.*

25. Cerquiglini B. *Éloge de la variante: histoire critique de la philologie. P., 1989.*

механическим или все-таки гибким и учитывать разные косвенные данные, указывающие на ценность того или иного документа? Тогда же и стало очевидно, что универсальных ответов ни на один из этих вопросов не существует. Каждый из методов лучше всего подходит для решения определенных задач, с которыми может столкнуться издатель средневековых латинских произведений.

Произведения античной литературы за редчайшими исключениями не дошли до нас в копиях более или менее современных их созданию, и в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с поздней традицией хорошо устоявшихся текстов, поэтому издание таких произведений не имеет цели проследить, например, этапы становления текста и работы автора над ним или появление ранних редакций. Авторский текст и все его сохранившиеся копии разнесены на сотни, а то и на тысячу, лет²⁶, и во время подготовки издания, как правило, нам нет дела до того, как и почему тот или иной средневековый переписчик исправил античный текст. Вместо этого мы хотим пробраться через все правки и изменения и увидеть очертания канонического текста, который был перед глазами у его первых средневековых переписчиков.

Совершенно иначе обстоят дела со средневековой литературой — она несравнимо богаче на различные текст-исторические ситуации. В ней можно найти всю палитру вариантов: авторские экземпляры, авторские же редакции, средневековые «критические издания», контаминации, копии текстов, переписанные и исправленные эрудитами для своих личных библиотек, копии, созданные методом *pecia*²⁷, и многие другие. Каждый из типов истории текста требует тщательного и индивидуального подбора методов работы. Поэтому ни один из рассмотренных выше подходов не может претендовать на универсальность²⁸.

Отдельные средневековые тексты дошли до нас в авторских экземплярах. Значение подобных документов трудно переоценить: только они позволяют увидеть текст, вышедший из-под пера автора, взглянуть на его неповторимую манеру письма, особенности стиля и оригинальную орфографию.

26. Замечательное и редчайшее исключение — найденные на т.н. «Вилле папирусов» в Геркулануме папирусы со списками работ философа-эпикурейца Филодема из Гадары (ок. 110 — ок. 35 до н.э.). Некоторые из найденных документов, как, возможно, и вилла, могли быть непосредственно связаны с Филодемом: сам философ мог комплектовать обнаруженную в пепле библиотеку для своего патрона, Калпурния Пизона, вероятно, владевшего виллой. Впрочем, подобная реконструкция принимается не всеми учеными.

27. Система одновременного копирования одного и того же текста разными переписчиками, внедренная для того, чтобы ускорить процесс массового копирования. Ускорение достигалось за счет того, что копируемый том физически разделялся на части, каждая из которых в одно и то же время переписывалась разными писцами. Когда каждый из них заканчивал работу над своей частью, получившиеся копии составляли новый том, созданный существенно быстрее, чем если бы всю работу делал один переписчик.

28. Bourgain P. Sur l'édition des textes littéraires latins médiévaux // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1992. T. 150(1). P. 9 и далее.

Было бы в высшей мере некорректно при издании лишать читателя хоть какой-то части сведений, передаваемых таким документом. Так что, на первый взгляд, издание авторских экземпляров должно осуществляться *дипломатическим методом*²⁹, с полным воспроизведением всех особенностей рукописи, включая пунктуацию, регистр букв, орфографию и сокращения.

Метода «базовой рукописи» с чуть меньшей строгостью в следовании оригинальному документу требуют, пожалуй, еще несколько типов памятников средневековой литературы. Например, средневековые учебники. Часто переписанные под нужды создателей копий, они могут отличаться значительным своеобразием, и их ценность для современных исследователей заключается именно в том, что они позволяют взглянуть на материалы, которые были в распоряжении у людей Средневековья.

По этой же причине могут представлять интерес и публикации «версий переписчиков» (*scribal versions*) некоторых классических текстов, хорошо известных исследователям по критическим изданиям. Подобные издания могут помочь получить представление о том, *в каком именно* виде тот или иной классический текст был доступен средневековым читателям и сделать наши знания о культурном багаже средневековых людей более точными.

Наконец, всевозможные неканонические тексты, фактически никогда не существовавшие в более или менее стабильной форме, также требуют скорее издания методом «базовой рукописи»; каждая копия такого произведения может весьма сильно отличаться от других и быть интересной своей индивидуальностью, обусловленной контекстом ее создания.

Однако, делая выбор в пользу метода «базовой рукописи», исследователь должен задаться, по меньшей мере, двумя вопросами. Первый из них: как поступить с очевидными ошибками в избранном за основу манускрипте? Что делать, если речь идет об авторском экземпляре, но ошибка неоспорима? Как поступить, когда ясно, что автор допустил ее не по незнанию, а из-за невнимательности, и имел в виду не то,

29. Masai F. Principes et conventions de l'édition diplomatique // *Scriptorium*. 1950. 4. P. 177–193.

что написал? Если ответом на эти вопросы становится предложение исправлять подобные огрехи выбранной рукописи, встает более общий вопрос: где вообще пролегает грань между допустимыми вмешательствами издателя, работающего по методу «базовой рукописи», и тем, чего он все-таки должен избегать? Не является ли любое исправление подменой издателем автора или переписчика, которому сторонники издания *scribal version* хотят отдать дань уважения? Если издатель берет на себя ответственность исправлять авторский текст или *scribal version*, не рискует ли он ошибиться, ведь, в отличие от автора, он не погружен в средневековую культуру и не может быть уверен, что его мысль об ошибке создателя рукописи — следствие его собственного недостаточного знания и понимания культуры далекого прошлого?³⁰

Если осознание такого риска приводит издателя к мысли о недопустимости подобного вмешательства и о том, что никаких исправлений вносить не нужно вообще, встает вопрос совершенно иного порядка. Если избранный манускрипт настолько ценен, и его нельзя исправлять, не лучше ли издать его факсимиле, ведь только такая форма может обеспечить полное соответствие издания оригинальному документу? Оба вопроса подводят к пониманию фундаментальной ограниченности методов, провозглашающих своей основной целью точность воспроизведения существующего документа: призыв этот всегда несколько лукав и, по большому счету, несущественным ни в какой форме, кроме факсимиле.

В этом смысле стемматический подход выглядит честнее: он прямо ставит своей целью реконструкцию текста, всегда в какой-то мере субъективную, и не клянется подлинному документу в верности, которую можно обеспечить только путем издания факсимиле. Кроме того, именно стемматический подход с количественным анализом всех чтений, а не только ошибок, как его описали французские филологи Кантен и Фрожэ³¹, дает лучшие результаты в реконструкции сложных стемм.

Взяв на вооружение количественный и качественный анализ индивидуальных чтений каждой рукописи³², анализ

30. Bourgain P. Sur l'édition des textes littéraires latins médiévaux. P. 12.

31. Froger J. La critique des textes et son automatisation. P., 1968. Недавно суть метода была кратко и весьма удачно резюмирована Pairel D. Lachmann, Bédier, Froger: quelle méthode d'édition donne les meilleurs résultats? // La Rigueur et la Passion. Mélanges en l'honneur de Pascale Bourgain / éd. par C. Giraud, D. Poirer. Turnhout, 2016. P. 939–968. Эта последняя работа, а также стажировка по экзотике, ежегодно проходящая в парижском Институте истории текстов под руководством Доминика Пуареля, в значительной мере вдохновила это эссе. Более подробное изложение основных проблем экзотики можно найти в Bourgain P. Sur l'édition des textes littéraires médiévaux latins.

32. Впрочем, и во втором издании руководства Мааса была предложена классификация ошибок и способы их анализа при реконструкции традиции.

общих чтений в разных группах манускриптов, а также анализ общих ошибок и всей совокупности косвенных данных, которые могут помочь реконструкции текста, и, самое главное, истории рукописей, стемматический метод позволяет разобраться в истории текста, к изучению которого принципы Мааса применить было бы несравнимо сложнее. Например, когда авторский оригинал полон ошибок (частично исправленных, а частично, в силу их неисправимости, сохранных в рукописной традиции), или когда копии, относящиеся к одной из ветвей рукописной традиции, были контактированы по рукописям из другой ветви.

Было бы ошибочным утверждать, что при выборе стемматического подхода исследователя не ожидают сложные методологические проблемы, требующие решения. Первая из них такова: насколько близко издатель должен стремиться подойти к авторскому оригиналу?³³ Ведь чаще всего архетипом (или архетипами) рукописной традиции являлся не авторский оригинал, а одна или несколько его копий, часто не непосредственных. Должен ли издатель «подниматься» по стемме только до архетипа или пытаться, внося исправления в реконструированный архетип, восстановить и авторский оригинал? Эта проблема часто встает в случае литературы, циркулировавшей в университетах. Рукописные традиции подобных произведений часто восходят к одному экземпляру, например, закрепленному на цепи в университетской библиотеке, т. н. *incathenatus*. Однако отдельные копии, не связанные между собой и характеризующиеся ярко выраженной индивидуальностью, могут восходить, напрямую или опосредованно, к авторскому оригиналу. Нужно ли пытаться с их помощью «восстановить» авторский текст? Или достаточно будет одной реконструкции архетипа большинства копий, составляющих рукописную традицию?

Другая проблема связана с орфографией, которую стемматическое издание должно принимать. Должна ли графика соответствовать одной из рукописей традиции? Или ее стоит «нормализовать» и привести к некоему стандарту? Если так, то к какому? При кажущейся формальности этот вопрос играет

33. Bourgain P. Sur l'édition des textes littéraires latins. P. 11.

важную роль: полная «нормализация» орфографии сделает текст совершенно непохожим на те, что в реальности читали в Средние века. Полное сохранение в транскрипции всех особенностей орфографии может создать трудности — оформившиеся на протяжении Средних веков особенности региональных вариантов латыни значительно отдалили манеры письма в разных частях латинского Запада, а сосуществование в наши дни нескольких традиций передачи «средневековой» латинской орфографии создают затруднения. В отдельных случаях довольно точная реконструкция возможна, если известна примерная дата памятника, а исследователь хорошо знаком с историей письма.

Наконец, одна из немаловажных проблем стемматического метода заключается в том, что исследователи, заявляющие, что работают по нему, и даже реконструирующие стемму кодексов, не следуют этому методу со всей необходимой строгостью и не опираются на «генеалогическое древо» рукописей, чтобы выбрать одно чтение и отвергнуть другое³⁴. Вместо этого они выбирают подходящиеся им по вкусу чтения в рукописях, оставляя реконструированную стемму занятой схемой во введении к изданию. Такой подход делает стемматическое по форме издание эклектичным по сути. При кажущемся соответствии современной теории критических изданий такие публикации по своему духу близки к текстам, публиковавшимся в XVIII — начале XIX в., когда субъективное впечатление было главным, если не единственным, критерием издателей.

Подводя итог, можно сказать, что в XX в. исследовательское сообщество сформировало инструментарий подготовки критических изданий: были выработаны, описаны и использованы разные методы и формы подобной работы. Выбор из многообразия инструментов — удел исследователя, который должен наилучшим образом оценить, какие способы издания лучше всего подойдут для произведения, над которым он работает, а также для типа издания, которое он хочет представить публике.

К моменту, когда цифровые технологии получили достаточно распространение, чтобы начать массово проникать

34. Bourgain P. Sur l'édition des textes littéraires latins. P. 13.

в гуманитарные науки, методология критического издания была разделена многочисленными «схизмами»³⁵, главной из которых была т. н. «бедьерианская», отделявшая сторонников реконструкции архетипа традиции и, по возможности, авторского оригинала, от приверженцев подхода «базовой рукописи».

Появившиеся и ставшие широкодоступными в последние два десятилетия цифровые методы, кажется, могут помочь преодолеть все расколы. В некотором роде цифровая революция расставляет точки над «i» в споре сторонников реконструкции с теми, кто придерживается разных форм воспроизведения одного реального документа.

Человек [перед монитором] в поисках смысла

В доцифровую эпоху выбор методологии и назначение будущего критического издания играли определяющую роль во внешнем облике публикации, которую после выхода из печати было уже не изменить. Руководствуясь представлениями о потребностях читателя, издатель должен был решить, в какой орфографии будет напечатан текст, и насколько полным будет критический аппарат.

Содержание публикации и ее форма были неразрывно связаны, и разные типы критических изданий (например, учебные, комментированные или предназначенные для филологических изысканий) значительно отличались друг от друга: выбор одной из многих издательских стратегий означал отказ от преимуществ, которые дают прочие. Учебное издание не требует такой полноты аппарата, как издание, позволяющее изучать особенности авторского стиля и словоупотребления, а особенности орфографии, интересные лингвистам, могут представлять меньший интерес для исследователей, изучающих содержание произведения.

Уход от издательского выбора и попытка полной публикации всей совокупности данных входили в противоречие с удобством использования такого издания³⁶. Получившаяся книга, как правило, была слишком громоздкой и сложной

35. *Trovato P.* Everything you Always Wanted to Know about Lachmann's Method: A Nonstandard Handbook of Genealogical Textual Criticism in the Age of Post-Structuralism, Cladistics, and Copy-text. Padova, 2017. P. 77. Цит. по: *Fischer F.* Digital Classical Philology. P. 206.

36. Отчасти, пусть уже и в ином смысле, эта же проблема стоит остро и сейчас. Если технологически хранить и обрабатывать полный набор данных не так-то и сложно, создание удобного пользовательского интерфейса для взаимодействия с ними – задача, которую трудно не только теоретизировать, но и решить в каждом конкретном случае.

по структуре. Перегруженный критический аппарат мешал, а не помогал отвечать на запросы читателей, сведения в нем попросту «тонули».

Принципиальное отличие цифровых изданий заключается в том, что в них *содержание отделено от формы*³⁷. Именно эта особенность позволяет преодолеть все методологические различия и неминуемые потери информации при выборе издательской стратегии. Цифровые методы позволяют представить читателю конечную форму издания в виде «выборки» (одной из многих возможных) из общего набора данных, подготовленных издателем.

Происходит т. н. «трансмедиализация»³⁸: издание освобождается из плена статичной формы, разработанной для печатных изданий, и то, что является изданием — набор данных, — больше не располагается на конкретном носителе информации, а хранится отдельно в виде структурированного и машинно-читаемого текста и/или изображений, давая каждому читателю возможность самостоятельно определить набор сведений, которые он хотел бы извлечь.

Таким образом, можно сказать, что издание становится трансцендентным по отношению к носителю информации (бумаге, ready-to-print файлу, вебсайту, программе, базе данных и пр.), на котором с ним познакомится читатель. Именно этот онтологический сдвиг, а не все поверхностные атрибуты цифровых изданий (возможность поиска, простота распространения, относительная легкость внесения изменений в содержание, внешний вид и пр.) определяют фундаментальное преимущество и главное новшество цифровых изданий.

Спор между сторонниками реконструкции и приверженцами подхода «базовой рукописи», таким образом, теряет не просто прежний накал, но и вообще какой бы то ни было смысл: современное издание может содержать в себе одновременно и транскрипции всех копий, которые могут быть выполнены по разным стандартам (например, дипломатическая, нормализованная), и реконструкцию, и факсимиле, оставляя будущему читателю (а фактически — соиздателю) выбор, к каким материалам ему обращаться.

37. Fischer F. Digital Classical Philology. P. 210.

38. Термин предложен: Sahle P. Zwischen Mediengebundenheit und Transmedialisierung. Anmerkungen zum Verhältnis von Edition und Medien // editio – International Yearbook of Scholarly Editing. 2010. 24. P. 23–36.

Может сложиться впечатление, будто информационные технологии, разрешив основной методологический спор прошлого, сделают подготовку критических изданий простой и понятной. И вместо вереницы требований, предъявляемых к изданиям в прошлом, останется один единственный критерий — полноты изначального набора данных, который будущие читатели смогут «фильтровать» в соответствии со своими конкретными нуждами.

Такое видение положения дел чересчур оптимистично. На нынешнем этапе внедрение цифровых технологий ставит множество новых проблем, из которых можно выделить две основные. Первая — проблема модели данных³⁹, в соответствии с которой издание, т. е. изначальный и наиболее полный набор данных, будет структурировано, а также вытекающая из нее проблема отсутствия «издательской инфраструктуры», без которой массовая подготовка настоящих цифровых изданий невозможна. Вторая — вопрос о том, какое место человек будет занимать в процессе издания, если для него вообще останется место.

Модель данных — абстрактная модель, организующая все элементы данных и то, как они соотносятся между собой, — лежит в основе любого издания, не только цифрового. В случае с обычными публикациями текстов эта модель «плоская» (табличная), что лучше всего подходит для печати. Созданное по такой модели цифровое издание будет мало чем отличаться от обычного печатного. Чтобы в полной мере использовать все преимущества информационных технологий, цифровое издание должно быть «глубже» печатного, его должно быть невозможно напечатать без значительной потери в функциональности или полноте⁴⁰. Отсутствие устоявшихся и прошедших серьезную апробацию моделей данных — важнейшая из проблем, мешающих массовой подготовке цифровых изданий.

Елена Пьяраццо, характеризуя положение дел в области цифровых изданий в 2018 г., привела сравнение, которое кажется особенно удачным⁴¹. По ее словам, большинство существующих в настоящее время цифровых публикаций уникальны и сравнимы в этом смысле с высокой модой (*haute*

39. Cayless H. Critical Editions and the Data Model as Interface // *Digital Scholarly Editions as Interfaces* / ed. by R. Bleier, M. Bürgermeister, H. W. Klug, F. Neuber, G. Schneider. Norderstedt, 2018. P. 249–263. URL: <https://kups.ub.uni-koeln.de/9119>.

40. Fischer F. *Digital Classical Philology*. P. 212.

41. Pierazzo E. What Future for Digital Scholarly Editions? From Haute Couture to Prêt-à-Porter // *International Journal for Digital Humanities*. 2019. Vol. 1. P. 1–12.

couture). Подготовка каждой из них была непохожа на работу над прочими изданиями и потребовала разработки индивидуального набора инструментов, нередко новых и недоступных никому, кроме разработчиков.

По этой причине главная задача сообщества специалистов в области «digital humanities», занимающихся подготовкой изданий, состоит в создании широкодоступной, надежной и принятой сообществом инфраструктуры, которая бы подходила для подготовки неограниченного числа изданий. В основании этой инфраструктуры должна лежать обоснованная теоретически, принятая сообществом и прошедшая многочисленные испытания модель данных. Только наличие подобной модели данных позволило бы создать функциональные и интуитивно понятные интерфейсы взаимодействия человека с изданием и сделать подготовку критических изданий более «демократичной» и массовой, что, в свою очередь, позволило бы цифровым изданиями превратиться из высокой моды (haute couture) в прет-а-порте (prêt-à-porter, «готовое к носке»).

Модели данных для критических изданий уже разрабатывались, но результаты пока далеки от желаемых. Наиболее яркий пример — известнейшая организация Text Encoding Initiative (TEI, «тиай»), больше тридцати лет занимающаяся разработкой стандартов для XML-разметки (eXtensible Mark-up Language, «иксэмэль») текстов с целью сделать их машинно-читаемыми. TEI выпускает солидное, признанное в широких кругах и регулярно обновляемое руководство по разметке текстов⁴². Оно объясняет, как кодировать информацию, содержащуюся в тексте, чтобы впоследствии с ней было бы удобно работать⁴³.

TEI не могла оставить без внимания разметку критических изданий. В 12-й главе руководства предлагается три метода, которые могут быть использованы для разметки критического издания: метод ссылки на местоположение, метод начальной и конечной точки, метод параллельного сегментирования⁴⁴. Однако эти методы — перенос бытовавших в доцифровую эпоху практик и стандартов публикации, а не

42. TEI: P5 Guidelines. URL: <https://tei-c.org/guidelines/p5>

43. Например, с точки зрения компьютера строка «Вильгельм Рыжий, король Англии» — просто набор символов, и было бы весьма трудно извлечь личное имя Вильгельм из этой строки. Однако, при помощи XML-разметки «объяснить» машине, что Вильгельм — личное имя, можно:

```
<persName>
<forename>Вильгельм</forename>
<addName type="epithet">Рыжий</addName>,
<roleName>король
<placeName>Англии</placeName>
</roleName>
</persName>
```

Подобная разметка дает не только возможность впоследствии находить в тексте, например, личные имена, но и обогащать текст дополнительной информацией, не вторгаясь в его ткань: при помощи других тэгов было бы возможно добавить даты правления Вильгельма, ссылки на внешние ресурсы с информацией о нем и многое другое.

44. Location-referenced method; double-end-point-attached method; parallel segmentation method.

результат подлинной попытки смоделировать в общем виде критическое издание⁴⁵.

Таким образом, в настоящее время нет не только инструментов, позволяющих подготавливать настоящие цифровые издания исследователям, не обладающим специальными навыками в области информационных технологий⁴⁶, но нет и единства во взглядах на подходы среди специалистов, которые способны разрабатывать методы и инструменты самостоятельно. По этой причине каждый значительный издательский проект и походит больше на производство *haute couture*. Все это затрудняет массовую подготовку подлинных цифровых изданий, которые бы не были изданиями доцифровыми, но распространяющимся в электронном виде.

Вторая проблема, которую ставит прогрессирующее внедрение цифровых методов, касается места, которое останется за человеком в подготовке критических изданий. Да, в настоящее время перед сообществом специалистов в области «digital humanities» стоит немало теоретических и концептуальных проблем, которые могут быть решены только людьми. Однако настанет день, когда модели данных будут созданы, а инфраструктура для критических изданий будет многократно опробована и легкодоступна. Не будет ли это означать «вымывания» людей из процесса цифровой публикации? Ведь уже сейчас успехи оптического распознавания символов (OCR) могут значительно облегчить транскрипцию, а средства автоматической колляции позволяют получать важное подспорье при сличении разных версий даже очень длинных текстов и сообщать не только сухие и строгие сведения о количестве общих чтений и ошибок, но и создавать диаграммы, отображающие близость или родство разных копий: стемма, казалось бы, наиболее сложный результат работы издателя, уже сейчас может быть получена при помощи существующих программ.

Автоматическая транскрипция, автоматическая колляция; ясно, что в таких условиях любое воспроизведение рукописи будет лишено смысла, а утверждение о том, что для издания старинного текста больше ничего не нужно, будет

45. Fischer F. Digital Classical Philology. P. 213.

46. По меньшей мере, знанием принципов XML, языка программирования XSLT для преобразования XML-файлов, знанием основ устройства веб-страниц (HTML, язык их разметки, и CSS – язык описания внешнего вида HTML-документов). Для автоматической колляции могут быть полезны разные языки программирования, хорошо подходящие для статистической обработки данных (в частности, R с пакетом *Stemmatology*, *Python*) или специальные программы, вроде *CollateX*, *Juxta* (и некоторые другие, из которых десяток активно поддерживается).

означать не что иное, как добровольный и заблаговременный уход человека из еще одной области (какой пророчат и бухгалтерам, и охранникам). Успех проектов вроде французского ЕСМЕН (бывший Oriflamms)⁴⁷ или немецко-общеевропейского *Transcribus*⁴⁸ подсказывает, что автоматическое воспроизведение текста манускрипта с максимальной точностью — дело обозримого будущего. Поэтому люди должны держаться за наиболее рафинированную и субъективную часть подготовки критического издания: историческую и филологическую интерпретацию стеммы и за реконструкцию текста.

Очевидно, что все имеющиеся инструменты, а также те, которые появятся в ближайшее время, изменят работу специалиста, размышляющего над тем, каков мог быть замысел автора, но не лишат такой труд предмета. Конечно, оптимисты могут сказать, что и подобная задача теоретически может быть автоматизирована. Весьма вероятно. Однако, критические издания едва ли будут среди первых областей, где произойдет полномасштабное внедрение искусственного интеллекта, способного анализировать весь массив данных: не только текстологических, но также исторических, филологических, философских, эстетических, которые, к тому же, зачастую плохо поддаются формализации. Поэтому осмелюсь предположить, что технологические успехи обозримого будущего вряд ли дадут инструменты полной автоматизации, которые не будут требовать длительной предварительной настройки для каждого конкретного случая, а также уникальной и редкой квалификации исследователя, одинаково хорошо разбирающегося в средневековой филологии, программировании и AI.

Частичная автоматизация процесса издания с сохранением значительного участия человека в интерпретации стеммы и реконструкции текста представляется наиболее рациональным расходованием ресурсов и, следовательно, наиболее вероятным развитием событий. Реконструкция текста останется делом людей, хоть и получит серьезное подспорье в виде существующих и находящихся в разработке инструментов.

47. Блог проекта: <https://oriflamms.hypotheses.org>

48. <https://transcribus.eu/Transcribus>

Поэтому именно она должна оставаться главной целью работы над критическим изданием.

В заключение скажу несколько слов о существующих цифровых критических изданиях. К сожалению, их доля в общем числе цифровых изданий, уже достаточно многочисленных и разнообразных по своему замыслу и задачам⁴⁹, невелика. Наиболее простые из них можно в большом количестве найти на сайте *Digital Editing of Medieval Manuscripts*⁵⁰; все тексты, опубликованные там, выполнены путем XML/TEI разметки транскрипции оригинальных документов и ее последующей визуализацией трансформацией XML-документа в веб-страницу. Однако не все опубликованные на этом сайте издания носят строго критический характер и имеют научный аппарат.

Более сложные примеры критических цифровых изданий — издание *Summa de officiis ecclesiasticis* Гийома Осерского⁵¹ (ум. 1231) и *Confessio* святого Патрика, подготовленные Францем Фишером, одним из первопроходцев цифрового издания. Издание *Summa de officiis* считается первым по-настоящему критическим цифровым изданием латинского текста, причем не только средневекового. Несмотря на то, что текст сохранился всего в 15 рукописях, издатель на основании предварительного исследования принял решение выбрать только три рукописи: нормализованная транскрипция первой, отличающейся особенным качеством исполнения, была взята за основу для последующей реконструкции текста, а две другие рукописи, представлявшие две основные ветви рукописной традиции, наполнили критический аппарат, в который, кроме чтений, вошли также ссылки на Библию и другие тексты (*apparatus fontium*), а также на тексты, которые позаимствовали целые пассажи из *Summa de officiis* — *Legenda aurea* Иакова Ворагинского и *Rationale* Гийома Дюрана.

Издание было получено путем глубокой разметки транскрипции базовой рукописи (см. пример в сноске 43), которая была обогащена указанием всех расхождений в трех текстах. Каждый вариант был помечен как «важный», «неважный» и «основной». На основании этих данных была

49. Наиболее полные перечни всех по-настоящему цифровых изданий составлены Заале и Францини: Sahle P. A Catalog of Digital Scholarly Editions, version 3.0. URL: <http://www.digitale-edition.de>; Franzini G. A Catalogue of Digital Editions. URL: <https://dig-ed-cat.acdh.oeaw.ac.at>.

50. URL: <https://www.digitalmanuscripts.eu>.

51. *Guillelmus Autissiodorensis. Summa de officiis ecclesiasticis* / hrsg. von F. Fischer. Köln, 2007–2013. URL: <http://guillelmus.uni-koeln.de>.
 Подробное описание проекта: Fischer F. The Pluralistic Approach — The First Scholarly Edition of William of Auxerre's Treatise on Liturgy // *Jahrbuch für Computerphilologie*. 2008. 10. P. 151–168. URL: <http://computerphilologie.digital-humanities.de/jg08/fischer.html>.

создана конечная форма издания, в которой текст *Summa de officiis* не был тождественен транскрипции базовой рукописи. В реконструированный текст вошли только основные варианты; важные и неважные — наполнили аппарат. Ни *textus constitutus*, ни одна запись в аппарате не были созданы вручную (hard-coded), но были получены автоматически на основании трансформации исходного набора данных. Можно было бы легко получить другой текст, предпочтя, например, не «основные», а «важные» варианты.

Совершенно иначе устроено другое издание, подготовленное Фишером — публикация *Confessio* святого Патрика⁵². Этот проект, называемый *HyperStack* (stack — «стопка», «кипа»), представляет собой виртуальную кипу разных документов: факсимиле, ранних изданий, переводов и существующего классического критического издания, которое находится «в центре» этой виртуальной кипе. Все эти «слои» связаны друг с другом гиперссылками таким образом, что при нажатии на каждое слово в электронной версии существующего критического издания, можно увидеть это же слово или его вариант в каждом из факсимиле, в аппарате, переводе и в других изданиях. По словам Фишера, главная идея такой публикации — помочь читателю, далекому от филологии, увидеть за текстом современного перевода не только издание, но и средневековые документы и далее — текст, написанный святым Патриком⁵³.

Различие подходов одного исследователя к разным документам еще раз напоминает о новых фундаментальных проблемах метода и концепции, которые ставит внедрение цифровых технологий перед учеными. Однако само их появление не меняет основной сути работы издателя древнего текста: она по-прежнему заключается в критическом анализе текста и стремлении пробиться через толщу традиции к автору.

52. Saint Patrick's Confessio / ed. by F. Fischer, A. Harvey. Dublin, 2011. URL: <https://confessio.ie>.

53. About the HyperStack project. URL: <https://www.confessio.ie/about/hyperstack#>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич А. Я. Популярное богословие и народная религиозность Средних веков // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. Москва: Наука, 1976. С. 65–91.
2. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / изд. подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. Москва: Наука, 1994. Т. 1.
3. Рождественская О. А. Хроника Адемара Шабанского и ее рукопись в Ленинграде // Ученые записки Ленинградского университета. Серия исторических наук. Вып. 4. 1939. №39. С. 146–161.
4. Auctor et auctoritas: Invention et conformisme dans l'écriture médiévale: actes du colloque tenu à l'Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines, 14-16 juin 1999 / éd. par M. Zimmermann. Paris: École des Chartes, 2001. (Mémoires et documents de l'École des chartes, 59).
5. Bannikov A. V. Manuscrit latin F. v. IV, N 3 – un témoin du travail en progrès d'Adémar de Chabannes sur le Chronicon? // Вспомогательные исторические дисциплины. 2002. Т. XXVIII. С. 62–72.
6. Bédier J. La tradition manuscrite du Lai de l'Ombre: Réflexions sur l'art d'éditer les anciens textes // Romania. 1928. Т. 54. №214. P. 161–196; Т. 54. №215/216. P. 321–358.
7. Bourgain P. Sur l'édition des textes littéraires latins médiévaux // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1992. Т. 150(1). P. 5–49.
8. Cayless H. Critical Editions and the Data Model as Interface // Digital Scholarly Editions as Interfaces / hrsg. von R. Bleier, M. Bürgermeister, H. W. Klug, F. Neuber, G. Schneider. Norderstedt: Books on Demand, 2018. P. 249–263. URL: <https://kups.ub.uni-koeln.de/9119> (дата обращения: 20.07.2020).
9. Cerquiglini B. Éloge de la variante: histoire critique de la philologie. Paris: Seuil, 1989.
10. Digital Critical Editions / ed. by D. Apollon, C. Bélisle, Ph. Régner. Urbana: University of Illinois Press, 2014.
11. Sahle P. Digitale Editionsformen: Zum Umgang mit der Überlieferung unter den Bedingungen des Medienwandels – Befunde, Theorie und Methodik. Norderstedt: Books on Demand, 2013. (Schriften des Instituts für Dokumentologie und Editorik, 8).
12. Fischer F. Digital Classical Philology and the Critical Apparatus // Digital Classical Philology: Ancient Greek and Latin in the Digital Revolution / ed. by M. Berti. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 203–219.
13. Fischer F. The Pluralistic Approach – The First Scholarly Edition of William of Auxerre's Treatise on Liturgy // Jahrbuch für Computerphilologie. 2008. Bd. 10. S. 151–168. URL: <http://computerphilologie.digital-humanities.de/jg08/fischer.html> (дата обращения: 20.07.2020).

14. Flores E., Tomasco, D. Nascita dell'apparato critico // Vichiana. 2002. Vol. 4:1. P. 3–6.
15. Franzini G. A Catalogue of Digital Editions. URL: <https://dig-ed-cat.acdh.oeaw.ac.at> (дата обращения: 20.07.2020).
16. *Guillelmus Autissiodorensis. Summa de officiis ecclesiasticis* / hrsg. von F. Fischer. Köln, 2007–2013. URL: <http://guillelmus.uni-koeln.de> (дата обращения: 20.07.2020).
17. Hall J. B. A Reply to Dr Rigg's Response // Studi Medievali serie 3. 1983. Vol. 24. P. 385–387.
18. Hall J. B. The Editing and Emendation of Medieval Latin Texts: Two Case Histories // Studi Medievali serie 3. 1978. Vol. 19. P. 443–466.
19. Lachmann K. In T. Lucretii Cari de Rerum natura libros commentarius. Berlin: Reimer, 1850.
20. Maas P. Textkritik // Einleitung in die Altertumswissenschaft. Bd. 1, fasc. 2 / hrsg. von A. Gercke, E. Norden. Leipzig; Berlin: B. G. Teubner, 1927.
21. Masai F. Principes et conventions de l'édition diplomatique // Scriptorium. 1950. Vol. 4. P. 177–193.
22. Minnis A. J. Medieval Theory of Authorship. Scholastic Literary Attitudes in the Later Middle Ages. London: Scolar Press, 1984.
23. Pierazzo E. Digital Scholarly Editing: Theories, Models and Methods. Farnham: Routledge, 2015.
24. Pierazzo E. What Future for Digital Scholarly Editions? From Haute Couture to Prêt-à-Porter // International Journal for Digital Humanities. 2019. Vol. 1. P. 1–12.
25. Pierazzo E., Stokes P. The New Textual Technologies // A Companion to the History of the Book / ed. by S. Eliot, J. Rose. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2019. P. 677–689.
26. Quentin H. Essai de critique textuelle (ecdotique). Paris: Picard, 1926.
27. Rigg A. G. Medieval Latin // Editing Medieval Texts: English, French, and Latin Written in England / ed. by A. G. Rigg. New-York; London: Garland Publishing, 1977. P. 107–125.
28. Rigg A. G. The Editing of Medieval Latin Texts: A Response // Studi Medievali serie 3. 1983. Vol. 24. P. 385–388.
29. Sahle P. A Catalog of Digital Scholarly Editions, version 3.0. URL: <http://www.digitale-edition.de> (дата обращения: 20.07.2020).
30. Sahle P. Zwischen Mediengebundenheit und Transmedialisierung. Anmerkungen zum Verhältnis von Edition und Medien // editio – International Yearbook of Scholarly Editing. 2010. 24. P. 23–36.
31. Saint Patrick's Confessio / ed. by F. Fischer, A. Harvey. Dublin, 2011. URL: <https://confessio.ie> (дата обращения: 20.07.2020).
32. Stemmatology in the Digital Age / ed. by Ph. Roelli (в печати).

33. The Cambridge Companion to Textual Scholarship / ed. by N. Fraistat, J. Flanders. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
34. Thomson R. M. William of Malmesbury. Suffolk, 2003. P. 76–96.
35. *Titus Lucretius Carus*. De rerum natura / ed. K. Lachmann. Berlin: Reimer, 1850.

